

Княжий пестун

Даже у воеводы Вакулы, великана двухсаженного роста с шеей быка-трехлетка, даже у тех дружинников, которые по числу ратных подвигов и шрамов, по множеству чарок веселящей *сурьи*, выпитых за княжеским столом, могли едва отрывать тыл от лавки, когда в трапезную входил владыка, у всех у них начинало предательски холодеть в подреберье при воспоминании о точно таком же дне в их жизни. Дне страха, изумления, позора и бессилия. Дне, когда судьба и воля князя поставили их пред лицом *дядьки*.

И вроде бы вот он — дядька, и ростом великим похвастать не может, скорее наоборот, и шириной плеч дверей не застит. А уж если мельком в серо-голубые, лукаво прищуренные глаза его посмотреть, так и вовсе ничего особенного в нем нет: чудь белоглазая, да и все.

Да только глубже смотреть надо. Пристальнее. И увидишь тогда, что по краю лазоревых *радужин* таится темный волчий ободок. И почувствуешь тогда, как под морщинистым лбом, под сивой бороденкой, под некрашеной льняной рубахой клокочет-бьет черный ключ, имя которо-

му Смерть. Он, дядька, его до дна испил и жив остался. С тех пор ни нож финский, ни меч германский, ни булава гальская ему нипочем. Поскольку сам он теперь *Маре* костлявой господин: захочет кого имать — вскинет руку и нет детины, который по две подковы зараз гнул да каменюки *моренские* от земли отрывал. Про то всему *Новограду* ведомо.

Вот только ведать — не велика заслуга. Надобно на собственном лбу дубового косяка испробовать, чтобы наостриться кланяться.

Это тоже всем известно.

И все равно из года в год среди новобранцев, что на *детинец* приходят в княжью дружину проситься, обязательно найдется один или два недотепы, которые на дядькину наружность поймутся и против него в круг выйдут. И добро бы то были лопоухие води или *ягны* с дальних *засек* да деревень. Что с них взять, с увальней сиволапых, которые и *по-венедски* с трудом, а уж *по-свейски* так и вовсе ни полслова не понимают, а только лыбятся во всю белозубую дурь. Случается, однако, и новгородские удалыцы поперек молвы идут и с дядькой силами мериться отваживаются. Еще бы, ведь ухарей этих сам князь с воеводой и сотниками на кулачных боях высматривал и в дружину проситься велел. Вот им и нейдет доказать, что они не только на льду Волхова тумачи раздавать горазды, но и самого Волкана Кнутнева не убоятся.

А буде хоть один «смельчак» среди новобран-

цев нашелся, так и остальным несдобровать. Всем им, сколько б их ни было числом, лежать на сырой земле, безбородыми краснощекими мордами в конский навоз тыкаться и, коченея от ужаса, кумекать: как же это так вышло, что насели они целой стеной на одного дядьку, а глазом моргнуть не успели, как и повалились все, точно трухлявые осины под осенней бурей. А он, дядька, *Перунов волхв*, посередь них теперь один стоит и даже бровью не ведет, не то чтобы испарину со лба утереть.

— Ох, дети, дети, — приговаривает дядька с укоризною. — Много вы жевалом работали, да мало разумением. Ну, вставайте, кто может. А кто попортился, тому я сейчас с подворья знахаря с костоправом кликну.

И на всю эту буйную потеху взирая с теремного крыльца, гогочут матерые дружинники, точно позабыли, как сами когда-то вот так же в грязь мордасами тыкались. Держатся ратнички за бока от смеха, на двор детинца глядячи, а сами в какой раз постичь попытаются: как же умудряется этот ладонинский леший с эдаким молодецким навалом справиться и даже ни одного синяка не получить. Ведь стараются удальцы-новобранцы на совесть, кулаками машут, точно кувалдами, да только воздух месят или друг дружку. А Волкан Годинович, почитай, ничем, окромя открытых ладоней, парней и не охаживает, но укладывает молодцов наземь, точно просушенные снопы для обмолота.

Уж и так и сяк смотрят дружинники, да никак не углядят, в чем дядькина тайна. Каким неведомым образом он брань кулачную в потеху превращает? Как он за мгновение до удара, что может в щепы разнести копейное древко, словно бы растворяется в воздухе, дабы тут же возникнуть справооручь от бойца и легким толчком да подножкой его навзничь опрокинуть. Со стороны поглядеть — поддается ему молодец. Так ведь нет! Знают ратари князевы, что ни на маковое зернышко никто никогда под дядьку не подлаживается, а, напротив, все только и думают о том, как бы Кнутнева в бою превозмочь. Но из всей дружины княжеской еще не нашлось умельца против Волкана дольше двух кулачных взмахов выстоять.

И потому все они, от безусого *нарядника* до седого сотника, что ни день приходят к дядьке на науку.

И уж он их учит на совесть. Недаром новгородские дружинники на всю Русь славятся от моря до моря. И вский *ярл* за дивное счастье почитает ратника княжского на *драккаре* своем пригреть. Лишь бы только тот знал слово заветное, которое *Варг Кнутнев* своим выученикам на ухо шепчет, буде те в смертельной науке остепенились. Слов этих восемь. По старшинству. Чем старше слово, тем умелей выученик.

Вакул, воевода новгородский, — хвастал, что знает пятое. Сотники — те выше четвертого ни-

как не поднимутся. Редкий десятник удостаивался третьего.

За хмельным столом иные бахвалы осмеливались говорить, что свыше пятого слова и нет ничего. Но только шептали они эту крамолу хриплым от страха шепотом на ухо тому, кто уже и вовсе лыка от зелена вина не вязал.

— Да брось ты, белужий сын! — отвечал ему вмиг протрезвевший товарищ. — Ты Волька-то не замай. Если он говорит, что слов восемь, знамо, так оно и есть. А то, что никто во всем Новгороде остатних слов не знает, — еще не значит, что их нет. Старики бают, что среди *морских ярлов* есть такие, кто шестое слово ведает. Вот хоть бы наш *конунг*, Рюрик, что у Кнутнева в учениках с самой молодости ходит, наверняка свыше пятого постиг. И с чего было б это князю нашему в *Альдейгыюборге* Ладожском крепость ставить? Знаешь?

— Как не знать! Крепость та верхи Волховские прикрывает и драккарам *даннским* да *норманнским* не дает по стержню реки безданно на море *Словенское* и назад проходить.

— Вот ты, *пермь* большеухая! Ты в какой засеке рос? Уж не *смердящего* ли ты рода, что такую несусветь несешь?

— Это я-то смердящего рода! — вскипал дружинник. — Я покажу тебе, кто здесь пермь большеухая! Хошь на палках, хошь на кулачках так отделаю, ни один волхв не *отшепчет*.

— Сиди на ряду, чудило Аскольдово, — отве-

чал ему товарищ. — А водь конопатую в твоём роду и слепой в безлунную ночь разглядит. Вон морда вся до ушей коноплей поросла. Да и куда тебе первослову против второслова тягаться. Это же почетнее дитя малое обидеть, чем тебя, дурака, осадить. Так что преникни и слушай, что народ про Альдейгыборг говорит, коли не знаешь.

— Место для крепостицы и впрямь удобное. Но только есть чуть повыше по реке другое, куда удобней. Там река изворот делает и *струи* сама под стены выносит. Только конунг наш почему-то выбрал то, где мелкая речка Ладожка в Волхов впадает. Смекаешь, почему?

— Ней, — гнусавил конопатый детина, ошалевший немного оттого, что второслов не пустил в ход Кнутневу науку и не прищучил его, как брехучего пса, а простил ему безнаказанно за горячность, а теперь еще и просвещает о делах княжеских.

— Так вот, знай, да только не болтай лишнего: Рюрик крепостицу велел на Ладожке отсыпать в почет за Кнутневу науку. Вольк-то наш Годинович как раз из тех мест родом. Так чтобы его *сродников* от ярлов да гостей непрошенных сберегать, крепость там теперь и стоит. Боится князь, что если родичей Вольковых данны или норманны с Волхова свезут, так дядька в одночасье поднимется и за *Варяжское море* уйдет. Кто тогда Рюрику будет дружинников пестовать? А дружина *трувору* Рюрику ноне нужнее, чем молоко материнское дитю малому. Даром что

сам он, как сказывают, может, и седьмое Кнутнево слово знает. Да только после того, как *Аскольд* и *Дирк* на Царьград ушли, помимо самой *Ингрии*, где *веси да латы* смуту творят, еще и из *полянских земель варги* на Новоград скалятся.

— Так что ж получается? — моргал белесыми глазами зачинщик разговора. — Выходит, дядька Волкан власти больше имеет, чем князь?

— Имел бы, если бы волил. Так ведь не надобно ему ни власти, ни почестей. Кнутнев выше гордыни стоит и, пока жив, стоять будет. Для него главная радость, чтобы в *Гардарике* да в *Ингрии* мир и покой были. Чтобы ни венедская, ни свейская, ни чудская, ни водьская или даже весьская кровь на сырую землю не текла. Не любит он крови. Говорят, сызмальства не любит. Для того чтобы кровавую резню унять, он в годы *Аскольдовой смуты* сам за Варяжское море пошел да выученика своего, Рюрика, с дружиной в *урядники* привел.

— Вот ведь как *Локки-пройдоха* зубоскалится, — качал головой дружинник-первослов. — И думать не думал, что наш дядька самого князя на престол посадил.

— Ну, посадить не посадил, да только не сплавай Волкан Гоудинович за море, до сей поры свара промеж нас так бы и коловоротилась. И не сидели бы мы с тобой сейчас за одним столом, а резали бы друг друга ножами на бранном поле. Ты ж, поди, водьских кровей?

— Да что уж тут: из *охтинских ингерей* я. А ты каков?

— А я из ловатинских *кривичей*, а что, не видать?

— Видать-то видать, да кто же ноне разберет своего рода-племени. В редком дому жены или мужа чужеродного нет. Да и у тех, кто себя родовитыми венедами или свеями величают, подале праотца, глядь, а там чудь латвицкая или *карела* скуластая подживалась.

— Это ты, друже, верно сказал. Потому все мы теперь новгородская русь, соратники Рюриковы. Так что, за князя?! — поднял чашу кривич.

— За князя, за светлого трувора Рюрика! — завопил ингерь.

— За князя!!! — хмельным, но дружным многоголосием подхватила дружина.

Вот уже больше десяти лет сидел названный конунг Ильменских словен за этим столом, что стоял прежде в Ладони, а теперь вот в Новгороде. За это время серебро осыпало его виски и пробежало тремя ручьями по окладистой бурой бороде. Сетка морщин избороздила лицо. Узор шрамов украсил тело. Под *десницей* его благоденствовали земли во много раз более обширные, чем его родной *херад*, *хёвдингом* которого встал когда-то его старший брат. Да и любой великий северный конунг мог позавидовать вотчине господина и заступника Гардарики.

За эти годы норов его стал спокойнее, но жестче. Он долго раздумывал, прежде чем ка-

рать, но, признав кого виноватым, казнил быстро и сурово. Он больше не кичился тем, что приходился прямым потомком рода Инглингов, а именно считался праправнуком одной из одиннадцати дочерей *Ингьяльда Коварного*. В молодости никто из его соратников даже и представить себе не мог, что их беззаботный, взбалмошный и лихой *форинг*, заматерев, станет скуп не только на слова, но и на удары клинком. После того как был усмирен Изборск и обуздана Белозерская распря, после того как на поросшем бурьяном пепелище Ильменского торжища поднялся Новгород, князь все больше уповал на силу разумения, чем на посвист варяжской *билы*. Чем дольше пребывал он в землях словен, тем раздумчивее становился его взгляд, тем прозорливее были его решения, точно Судьба открывалась ему, как дорога путнику, достигшему вершины холма.

Да и сами дружинники, те, кто когда-то состоял в *манскапах* Рюриковых драккаров, переменились. Где это видано, чтобы шрамы усмиряли *хальдов* и тем более мореходов? Того и гляди смерть застанет тебя лежащим в теплой постели. И придется тогда, как простолюдину, горевать в голодном и холодном царстве *Хель*, в то время как прочие воины наслаждаются мясом *Сэримира* в *Валхале*.

Если бы на *Бирке* узнали, в каких трудах проводят время грозные викинги, ушедшие с Рюриком на Волхов, соратников венедского конунга

обсмеяли бы даже собаки. Разве это судьба морехода: блюсти на чужбине порядок, стоять за честь и единую меру на торжищах, усмирять междоусобицы и охранять инородские земли от набегов своих же братьев-варягов?!

Но дружинникам Рюрика ноне странным казался их прежний *дрергесканур*. Им даже не верилось, что некогда они мечтали лишь о том, как бы обогатить оружие кровью разнеженных и трусливых южан, отбирая у них дары несправедливо тучной земли. За то время, что прожили они на берегу темноводного Волхова, им стала роднее венецкая *Правда* и *Доля*. Да и лучезарный *Ирий* новой родины обещал им куда больше, чем беспробудное обжорство и пьянство Валхалы.

И причиной тому были не светлые терема, что поставил для них конунг в княжеском городе. Многие варяги, пришедшие с Рюриком, происходили из крепких и славных родов, живших в доминах и поболе.

Остепенили их не словенские жены, которыми поголовно обзавелись легкомысленные ратары, последовавшие за своим форингом. Не в бабьих прелестях был приворот. У какого свейского *бонде* в прежние времена не было венецких рабынь: красивых, работающих, плодовитых, покорных? Конечно, подневольная раба и любимая жена — это разные утехы. Но все же...

И не ладные отпрыски, кои в изобилии наплодились у Рюриковых соратников за эти годы, связали их с берегами Ильменя, Ладоги и Бело-

озера. Одной отцовской гордости недостаточно, чтобы удержать на месте морских скитальцев и разбойников.

Глядя в благостные лица своих хольдов, Рюрик в который раз пытался понять, что же держит его самого и его людей в чужих краях, что повелевает им почитать чужих богов и превыше всего на свете печься о мире и покое разноязыких городков и сел Гардарики?

И странная мысль уже не раз посещала потомка Ингьяльда Коварного. Он не решался поведать ее даже самым ближайшим друзьям, но почему-то был уверен, что и они, его бывшие гребцы, чувствуют то же самое. Придя в земли Ильменских словен, погасив пожарища и немилосердно покарвав тех, кто творил кровавую междоусобицу, Рюрик нашел в этих землях свободу от... страха.

Вспоминая себя прежнего, он находил страх всюду. Страшно было потерять корабль, еще страшнее потерять честь. Страшно было от мысли, что попадешь не к Одину в Валхалу, а в холодные и голодные земли к Хель. Просто ужасно было не завершить мечь, за что *скальд* твоего недруга назовет тебя трусом, и потомки будут вспоминать тебя под этим унижительным прозвищем... Страх был повсюду, но не имел объяснений. Множество вопросов копошилось под его темным холодным покровом, глодая душу, как жуки точат древесные стволы. И оставалось только топить страх в браге или, как это делали

берсерки, выжигать его безумием мухоморов. И все равно каждый новый день приносил новый страх...

Придя же в земли словен, Рюрик нашел то, чем не могли похвастаться ни ярлы, ни конунги *Данмарки* или *Свейланда*: он познал смысл творения Одина! И великая заповедь *Одноглазого* оказалась не в бесконечных битвах и грабежах, а в мире и покое, во имя которых только и стоило вынимать меч из ножен.

Не сразу, ой как не сразу понял Рюрик эту странную для любого викинга истину. Однако он шел к ней не один. В одиночку внук Ингьяльда никогда бы до нее не добрался. У него был наставник. Поводырь. Человек, выведший его из кровожадной тьмы мечтаний о славе и богатстве морского разбойника на светлую стезю защитника и радетеля. Сколько шрамов и увечий получил конунг на этом пути, он уже и запомнил. Да и надобно ли их пересчитывать?

Главное, что теперь он был свободен от страхов. Всех, кроме одного. Лишь одна мысль продолжала холодить его умудренное годами сердце. Ужас охватывал степенного конунга, когда мнилось ему, что из его жизни уйдет Варг Кнутнев, наставник и советник. Исчезнет, так и не раскрыв до конца свою тайну, загадку, которой он ошеломил Рюрика в начале его жизненного *лана*.

А Варг не торопился эту тайну излагать. Но не потому, что хотел унести ее с собой в могилу,

дай ему, *Мокошь*, многие лета! Просто Кнутнев считал, что все в жизни должно происходить само собой, без надрасных усилий и галдежа.

Вот уже пятнадцать лет Рюрик знал Кнутневу, и все это время тот оставался для него самым непонятным человеком на свете. Волкан, например, никогда ни на кого не гневался. Что бы ни случилось, в глубине его глаз неизменно приплясывали искорки спокойного любопытства. Если не знать, кто перед тобой, то можно подумать, что это не величайший из труворов, когда-либо живших под сенью Игдрассиля, а балагур и баюн.

Он никогда не повышал голоса. Да и говорил-то он редко. Но как бы ни шумели, ни спорили княжеские дружинники, стоило ему открыть рот, как смолкали самые неистовые крики и брань. Даже государю иной раз приходилось стучать чем попало по столу, чтобы утихомирить своих ратарей, а стоило Варглобу кашлянуть, прочищая горло, как в стольной палате наступала такая тишина, что даже мухи переставали зудеть над снедью.

Он никогда никого не судил. Даже когда вина иного вора была многократно доказана и словом, и делом, он не принимал ничьей стороны, снисходительно глядя и на виновного, и на обвинителя.

— Пойми, княже, — говорил он Рюрику в ответ на его настойчивые требования высказаться за или против приговора. — Руку вору надо ру-

бить в тот момент, когда она к покраже тянется. А после уже незачем.

— Как так — незачем? — удивлялся князь.

— Да так. После того как человек преступил черту и в вора оборотился, исправить его может только он сам. Ну, либо Мара. Если ты хочешь, чтобы я судил человека, который есть внутри *тати*, то нет у меня такого права. Мокошь его ведет по жизни, и не мне распутывать узлы и барашки его стези. Ну а ежели ты хочешь, чтобы я судил тать в человеке, то и это бесцельно. Вор точно *дасуня* вселяется в человека и делает его рабом. Ты бы стал судить *альва*, конунг? Нет? А раба?

Что мог сказать на это синеус трувор Рюрик?

Вот он и молчал, в бесчисленный раз стараясь постичь непростые истины, которые с улыбкой преподавал ему дядька. Почитай, почти всю свою взрослую жизнь пытался он постичь такую простую и такую сложную Явь, что излагал ему Волкан Годинович. Явь, в которой *асы* и *ваны*, небо и земля, Хель и Валхала были заключены в человеческом сердце. Яви, где сила была не внутри сильного, а снаружи его. Яви, где самое большое счастье — это быть свободным...

Много душевных бесед мог вспомнить князь. Но чем больше ответов получал он от Волкана, тем больше новых вопросов рождалось в голове владыки...

Рюрик окинул пирующих взглядом и на мгновение ощутил холод в загривке: Кнутнева за сто-

лом не было. С опозданием пришло воспоминание о том, что Варг третьего дня отпросился в Ладонь проведать сродников. И сразу полегчало, потеплело в сердце...

— За Кнутнева! — поднял князь свою золотую чашу.

— За Кнутнева! За дядьку! За его науку! — понесли над столом здравицы. Загремели куда громче и дружнее, чем прежде кричали за князя. Рюрик мог бы ощутить горькую изжогу зависти, если бы он сам не славил дядьку во весь зык своего горла...

Часть 1

ЛАДОНЬ

Лада-волхова

Когда в семье *самоземца* Годины Ладонинца родился третий мальчик, была пора сенокоса.

Несмотря на круглое и, как говорили бабки, кособокое пузо, красавица Ятвага на лесной поляне всю резала траву длинным кривым ножом. Запахи нагретого солнцем разнотравья кружили голову. Временами Годинова жена выпрямлялась и утирала пот со лба. Пожалуй, слишком часто для еще молодой и сильной бабы. С самого утра дитя в ее утробе распотешилось не на шутку: ворочалось и толкалось. Но это не могло удержать дома Ятву, слывшую самой лучшей хозяйкой на берегах реки Ладожки. Четыре холеные коровы, два быка и две дюжины овец за зиму съедали три с лишним дюжины стогов сена. Ятва же с работниками успела заготовить всего полторы. Рассчитывать на помощь мужа она не могла. *Готтин* был в это время на Ладожском озере. Шла путина. Ловить, разделявать и вялить рыбу — занятие не женское. А без пяти-шести корзин рыбы зиму зимовать не сладко. Еще пять корзин обычно отвозили на торжище. Вместе с

излишками репы и жита. Но это будет позже. Осенью.

Словом, когда Ятва почувствовала, как по ногам ее текут родильные воды, она не могла решить: радоваться ей или печалиться. Сами роды ее не пугали. Только со своим первенцем, Торхом, она вдосталь намучилась. Ей даже пророчили родильную трясовицу, но все обошлось. Ластю, дочь, она рожала уже намного легче. А появление на свет Кунта так и вовсе доставило ей какое-то особое, бабье удовольствие.

И вот теперь из глубины ее чрева выталкивался четвертый Гоудинович. Или Гоудиовна. А до Ладони — обнесенного высоким частоколом городка в четыре десятка срубов — Ятваге было уже не дойти.

— Торхша, — крикнула она старшего сына, который собирал подвявшую траву в малые стожки. — Беги за *Ладой-волховой*, скажи: Ятва рождает, да веди ее сюда. И не забудь в овине лукошко с яйцами. Все, что есть, отдай волхове. Понял?

— Ано, понял, — ответил смысленный паренек.

Роженица долго смотрела, как среди берез мелькает его золотистая голова.

Повивальная бабка была Ятве без надобности. Она могла прекрасно справиться и без нее: и дите из лона принять, и пуповину перегрызть, и послед под ракитовым кустом схоронить. Это дело немудрящее, бабье.

А вот лесных духов в отдалении от младенца держать, судьбу его по челу прочитывать да от сглаза берегиню дать, на то у простой женщины разумения не хватит. Тут волхова нужна.

Лада — ворожея знатная. К ней с самого Белого озера хворые да сглаженные ходят. Даром что они с Ятвой сверстницы, в знахарстве и ведовстве Лада древних старух за пояс заткнет.

В Ладони жила былица, что волхвовать Лада начала чуть ли не в младенчестве. Случилось это прямо как в сказке сказывается: пошла малая девочка со старшими подругами в боры погулять да и потерялась. Три дня искали ее всей округой. А как нашли, так и обомлели: сидит Ладушка возле волчьего логова и матерого волчицу за усы таскает, как пса дворового. А тот рад-радехонек, ластится к ней, руки лижет. Лада, как людей увидела, прошептала что-то зверю на ухо, того и след простыл.

С тех пор она ворожить и начала, хоть ее этому никто и не учил. Некому было учить. В прежние времена в Ладони бывали лишь переходные волхвы. Так что иное дитя по несколько месяцев из дома не выносили, пока в городец не придет вещий старик или старуха и не даст дитяте побрякушку, что должна его от злых духов защищать. Вот придут волхвы, обойдут дома, ворожбу, что людям надобна, свершат и дальше идут на Перуновы *катища*, что в изобилии выше по течению реки Волхов по лесам раскиданы.

Но как прознали длиннобородые, что в го-

родце объявилась малая девица-чудодеица, так и потекли они в Ладонь, как на торжище в ярмарочную седмицу. Что ни день, то новый ведун или ворожея возле Ладиного крыльца толчется, с малолеткой беседу тайную иметь хочет, уму-разуму учить да от неразумения юродивую отговаривать. Да только не Лада у них премудрости набиралась, а они у нее.

Про то досужие языки много разного сказывали. Будто сидят они: волхв да девчонка, и старый малую поучает, брови суровит или по голове как дурочку *сумскую* гладит, дескать, куда тебе, дитятко, волхвовать-ворожить. А Лада на него глазки голубенькие вскинет да как спросит о чем-то или скажет чего, так старец сидит ни жив ни мертв и только диву дается.

Эти-то собеседнички и разнесли по всей Гардарике слух, что живет в Ладони не то Перунова внучка, не то *Фрейина* дочь. И такая о Ладе слава гремела, что Ятва, когда ее Готтин сватал, больше чем замужества с венедом, опасалась дивной волховицы, что с ним в одном городце обитала. А вдруг как невзлюбит та пришлую латвицу...

Да только все страхи оказались напрасными: и о чужеземном муже, и о волхове-чудотворице.

Година Евпатиевич оказался супругом, о котором и сказки не сказывают: добрый да заботливый и притом озорной да удалый. Недаром же он за будущей суженой с самого Ильменского торжища десять дён на своем струге следом плыл. По Волхову. По морю Словенскому. По

речке Ловати, а дальше волоком до *Давны*-реки. Через земли кривичские и полочанские. До самых болот латготтских. Уж больно приглянулась ему латвицкая красавица. И вот уж девять лет живут они душа в душу всему городцу на радость и загляденье.

А что до Лады-волховы, так с ней Ятва и по-давно сдружилась, едва только мало-мальски вене-дский язык освоила. А то и прежде этого они друг с дружкой посударились, поскольку обе свейским наречием владели.

Когда Лада вслед за Торхшей прибежала на поляну, Ятвага чувствовала, что дитя должно вот-вот появиться на свет. Как ни легко шли четвер-тые роды, но от натуги перед глазами у рожени-цы все плыло. За этой пеленой она не узнала во-рожеи и потому накричала на сына:

— Ты кого привел, лих чумазый?

— Не шуми, Ятва. Все он сделал правильно, — осадила ее Лада, — и бежал споро, так что чуть не падал в загоне. И яйца принес, как ты велела.

Волхова бурчала на подругу, а сама торопли-во раскладывала вокруг нее разные диковинки, не забывая при этом что-то нашептывать. Как можно одновременно браниться и ворожить? На то она и Перунова внучка, чтобы так мочь.

— Лада, — облегченно прошептала Ятва. — Спасибо, подруга, что пришла.

— Да что уж там, — отозвалась ведунья, все более уходя в даль своих заклинаний. — Я для распоследней карельской смердячки могу два

дня пешком пройти, а уж тебе-то, жене Гоудиной, я подавно завсегда готова помочь.

— Да хорошо ли здесь место? — беспокоилась Ятва, наслышанная о том, как нечисть утаскивает в топи да буераки рожденных в лесу младенцев.

— Место — оно везде хорошее, был бы человек не порчен.

— Так ведь рассказывают же разное...

— Разное да пустое, — оборвала ее Лада. — Глупости да гадости. Ты про то и думать не смей, а то и впрямь беду накличешь!

— Так как же, — не унималась роженица, — ведь сказывают же, что крадут лешаки новорожденных детушек...

— Вот я сейчас тебя да за эти слова какогрею по белобрисому темечку, — озлилась волхова. — Я же говорю, враки это все. То гулящие бабы нарочно в лес рожать убегают и деток, что поперек мужа прижиты, в топиях хоронят, дабы после, как дите вырастать станет, в нем гостя захожего-перехожего не опознали. А ты если еще раз рот откроешь про эти глупости, я тебя так отхожу прутом по губам, вмиг вся дурь вылетит. Поняла?

Ятва вытаращилась на Ладу, но перечить не посмела. Хотя представить себе, как маленькая, точно девочка-подросток, Лада будет «охаживать» высокую, дородную латвицу, было довольно сложно.

— А ты что здесь делаешь, срамник! — вдруг

взвилась волхова. — А ну, белобрысый Локки, исчезни отсюда! Или не знаешь, что за такой подгляд глаза к переносью сойдутся да так и останутся?!

Торхшу, прятавшегося до этих слов за березами, сдуло, как осенним ветром. Только сучья затрещали под пятками. Вот оно, слово ворожейское: сам себе больше навредишь, если его слушаешься.

— Ах, он... — подхватила было Ятвага.

Но тут же зашла в крике, поскольку в то самое мгновение дитя вознамерилось покинуть ее чрево...

Когда туман родильной натуги начал рассеиваться, роженица услышала далекий плач младенца и слова берегающего заговора, что напевала волхова. Тихая радость разлилась по телу Ятваги. А вокруг стрекотали бойкие кузнечики и гудели тяжелые пчелы, спешившие собрать последний луговой мед.

— Богат муж твой Година Евпатиевич! — услышала женщина голос ворожеи сквозь этот сладкий, летний, полуденный стрекот и опадающую дымку кровавой натуги. — Трех сыновей Перун посылает только самым достойным. Родит ему еще двух дочерей, и будет он еще и самым счастливым!

«Трех сыновей Перун посылает только самым достойным...» — рассеянно думала Ятва, ощущая в теле, особенно в груди, прилив женских сил. Значит, у нее родился мальчик! Вот

Готтин будет рад. Да и она тоже. Подрастет и будет еще один работник в семье и защитник в Ладони. Спасибо тебе, Лада-мать, за привет и радость в доме...

Тем временем заклинальный напев ведуньи оборвался. Роженица ничего не понимала в ворожбе, но даже она догадалась, что заговор остался незаконченным. Она размежила еще тяжелые после родильных трудов веки и с беспокойством посмотрела на Ладу.

Та внимательно рассматривала младенца, крутила и переключивала с руки на руку, изучая ей одной видимые отметины на его тельце.

— Что? Ладушка, что ты видишь в малом Гоудиновиче? — забеспокоилась Ятва. Выходило, что людская молва не врет: негоже человекам в лесах рождаться вдали от родного гнезда. Того и гляди нечисть болотная да чащобная если не накинется, так сглазит.

Волхова молчала, всматриваясь в темное родимое пятно чуть повыше младенческого локотка.

— Ну, не томи уже, Лада! Скажи, что ты видишь в младенце? — запричитала роженица и уже собиралась встать с копенки, на которую опустилась, когда начались последние схватки. Но ворожея остановила ее мановением руки.

— Чего рыпаешься? На-ка лучше приложи новорожденного к груди, — сказала она, подавая латвице присмирившего в ее руках младенца.

— А можно? — с недоверием спросила Ятва.

Ничего особенного она в ребенке не замеча-

ла. Как и у всех ее детей, у него была розовая кожа. Мутные глазенки — цвета северного озера, в котором отразилось хмурое небо. Летний ветер уже ерошил подсохшие от родильных вод золотистые волосенки. Но ведь почему-то волхова прервала обережный заговор. Значит, что-то в нем не так. Но что?

— Да не бойся ты, дурочка чудская. Нет на нем ни сглаза, ни порчи, — усмехнулась Лада ее неуверенности.

— А что ж тогда? Почему оберег ему не допела?

— Да потому, подруга, что без надобности он ему.

— Это как же так?

— Про то я у тебя вызнать хочу.

— У меня? — переспросила Ятва и аж похолодела вся. Хоть и чиста она была перед мужем и сродниками его, но от взгляда ворожеи не по себе ей стало. А вдруг как не убереглась она да какой ни есть водяной на Волхове в купальне опохабил ее?..

Тьфу, тьфу, тьфу!

Да и какой водяной! Летние-то детки в мамах с зимы заводятся. Вот и этот, судя по всему, зачался в самый зимний коловорот. Ох и жарка была тогда баня, а Готтин-то, Готтин — ну точно молодожен..

От воспоминаний о той горячей зимней бане Ятву бросило в жар. А потом в холод. Это уже от слов Лады.

— А скажи мне, Ятва, жена Годинова, — при-

Содержание

Княжий пестун 7

Часть 1 ЛАДОНЬ

Лада-волхова 22
Торх и Рада 37
Ольгерд 55
Рысь 74
Белая Смерть 98
Барсучье молоко 119

Часть 2 КАЙЯ

Весна 141
Торхова телочка 152
Утиная охота 161
Чушки 180
Удька 188
Сватовство 198
Тайная вечеря 210
Возвращение Рыжего Люта 220

Часть 3 НЕБЕСНАЯ ПРЯХА

Маленькие хитрости 231
Великий Волхов 240
Година и Гостомysl 250
Масленая неделя 259
Ярилов день 271
Сыск 281
В дружинники 289
Ронунг-Костолом 304
Воры 315
Мокшева кудель 327
Алфавитный указатель устаревших слов и понятий 340